

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ НАЧАЛА XX в.: УБИЙСТВО СИБИРСКОГО ТЮРЕМЩИКА И.С. МОГИЛЕВА

Рассмотрена проблема всероссийского революционного терроризма на примере убийства тобольского тюремного смотрителя И.С. Могилева. Обозначена и прослежена преемственность политического экстремизма, взятого эсерами за основу деятельности в начале XX столетия, с идеологией народовольческой организации. Значительное внимание уделено анализу «тюремного террора», жертвой которого стал сотрудник тюремного ведомства, вступивший в борьбу с революционными настроениями в Тобольском центре.

Ключевые слова: И.С. Могилев; Сибирь; Тобольск; революция; «тюремный террор»; «политическая» каторга.

Антагонизм в развитии государства и социума, достигший апогея на рубеже XIX и XX вв., привел к активному наращиванию революционной силы в Российской империи. Антиправительственные группировки, вступив на тропу войны с самодержавно-бюрократическим строем, главным оружием борьбы избрали политический террор, охвативший все уровни государственной машины. Революционный экстремизм не обошел стороной и тюремное ведомство – его чины столкнулись с таким видом насилия, как «тюремный террор». Впервые данный термин был выделен исследователем К.Н. Морозовым, понимавшим под ним «террористические действия против наиболее рьяных деятелей судебного и тюремного ведомств, прославившихся суровыми приговорами и жестоким обращением с политическими заключенными» [1. С. 330]. Широкое распространение «тюремный террор» получил в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири, поскольку в годы Первой российской революции регион стал местом притока ссыльных арестантов, отбывавших наказание за государственные преступления.

Особое внимание следует обратить на Тобольский центр, где в начале XX в. в результате революционного террора погибли несколько чиновников. Наиболее противоречивой являлась гибель тюремного смотрителя И.С. Могилева, в отношении которой в историографии существуют две точки зрения. Ряд ученых и публицистов склонялись к мнению, что причиной расправы служил жестокий режим тюремного чиновника, и террор представлял собой акт мести членов партии эсеров за истязания своих товарищей в заключении [2–5]. Другой позиции придерживались исследователи, утверждавшие, что тобольские политические преступники рассматривали тюремную систему в качестве враждебного для революции элемента, бороться с которым надлежало путем насилия [6, 7]. Цель данной статьи – рассмотрение террористического убийства И.С. Могилева в контексте всероссийского политического экстремизма.

«Эпидемия боевизма» [8. С. 74], захлестнувшая империю в начале XX столетия, вела свои истоки из народовольческого учения. Родоначальники революционного террора обуславливали переход к политике насилия не «пристрастием к терроризму» [9. С. 122], а необходимостью «вскрыть и показать в ярких образах революционную идею» [10. С. 21]. Всячески подчеркивалась мысль о рождении террора «на почве безна-

дежности разбудить» народ, чтобы «заставить корчиться удава, сдавливающего своими петлями тело России» [11. С. 400]. «Выразители общественного протеста» [12. С. 41] отмечали: «Мы вовсе не держимся за террор во что бы то ни стало. Рука, занесенная для удара, мирно опустится, как только изменится политика правительства» [9. С. 122]. Однако поворот от «приготовления и бросания бомб» [13. С. 8] к более гуманным формам деятельности так и не был осуществлен. Придав освободительному движению определенные «напряжение» и «силу», идеология насилия вывела его на новый путь борьбы «с оружием в руках» [14. С. 167]. В первые годы XX в. политический экстремизм был принят на вооружение партией социалистов-революционеров, чья миссия, подобно народовольцам, заключалась в пробивании «бреши в застывших формах, связывавших мысль в ее преклонении перед авторитетом самодержавной власти» [15. С. 144]. Террористическая борьба, нападение с оружием или бомбой в руках на высших сановников являлись ядром политической активности эсеров. Антиправительственный террор рассматривался партией в качестве «предельного выражения революционного действия» [16. С. 62], а к исполнителям насильственного акта, окруженным ореолом героизма и мученичества [17. Р. 75], относились с нескрываемым благоговением. При этом образ обезличенной жертвы нередко вызывал нескрываемые насмешки в эсеровской среде: «В бульварных романах любят изображать заседания революционных заговорщиков-террористов следующим образом. В полутемной комнате где-нибудь в подвале сидят в черных масках люди и бросают между собой жребий – кто из присутствующих должен взять на себя убийство приговоренного “тайным комитетом” к смерти. И тот, на кого указал рок, идет со смертью в душе, не смея послушаться...» [16. С. 157].

Исполнительным центром социалистов-революционеров являлась Боевая организация, занимавшая «привилегированное» положение в партии: даже центральный комитет, руководивший деятельностью эсеров, не был посвящен в подробности внутренней жизни и планов группировки, как не был осведомлен и об ее личном составе [18. С. 60]. Однако, несмотря на создание из политического террора самостоятельной силы, партийное руководство неоднократно пыталось несколько ограничить порочную практику «безответственных» насильственных актов [1. С. 333]. Свою позицию противники непланового террора отстаивали

следующим образом: «Террор кажется нам неподходящим в настоящий момент способом действия не сам по себе, а по своему неизбежному психическому влиянию на окружающую среду. Враг русской свободы, которого нужно убить прежде всего, при котором не помогут никакие убийства, это – выполнение предписанного правилом молчания и бездействия» [11. С. 397].

Зачастую центр аргументации переносился с вопроса о целесообразности террора на «вопрос о нравственных мотивах его деятелей» [13. С. 5]. Некоторые революционеры приходили к пониманию, что государственный служащий являлся лишь «маленьким винтиком огромной машины», управлявшейся совершенно иными лицами [19. С. 263]. Тем не менее подавляющее большинство эсеров нисколько не сомневались в необходимости применения насилия против чиновников, о чем свидетельствовал размах террористической активности. Согласно подсчетам А.А. Гейфман, с 1901 по 1916 г. жертвами террора стали около 17 тыс. человек, а более половины из них пришлось на период Первой российской революции. За один год, начиная с октября 1905 г., количество убитых и покаленных чиновников в стране составило 3 611 человек, а к концу 1907 г. этот показатель достиг почти 4,5 тыс. В период спада антиправительственных настроений число насильственных актов не уступало количеству убийств, зафиксированных в «разгар революционной анархии». С начала января 1908 г. до середины мая 1910 г. произошло 19 957 терактов и экспроприаций, а общее количество жертв, оказавшихся на счету террористов, превысило 7,5 тыс. [20. С. 31–32].

Широкое распространение революционного террора произошло в пенитенциарных учреждениях страны, где зачастую «достаточно было встретиться с революционерами» и «немножко понять, чего они хотят», чтобы пополнить ряды радикалов [21. С. 120]. «Теперь революцию готовят чиновники», – констатировала общественность, – «сажают в тюрьму людей, которых революционеры, сидящие в тюрьме... настоящим образом готовят для революции. Из тюрьмы эти русские люди выходят бомбометателями» [22. С. 460]. Объяснением радикализации тюремной среды служил приток революционеров в места лишения свободы. Стремительный рост количества заключенных в тюрьмах страны наблюдался с 1905 г. И если в первый год революции их число было равно 85 184, то к 1911 г. оно увеличилось более чем вдвое [23. С. 533]. Не избежал статуса рассадника революции и Тобольский тюремный замок, располагавшийся на территории одной из западносибирских губерний. В 1905–1907 гг. «резервуар, куда стекались все нечистоты» российских тюрем [24. С. 13], пополнился разнообразным составом политических арестантов, начиная солдатами внутренних гарнизонов и заканчивая эсеровскими боевиками. Уже к концу первого десятилетия XX в. доля государственных преступников в одной из тобольских тюрем составляла около половины ее заключенных [25. С. 158].

В результате значительного увеличения политического элемента в застенках, говорить о сохранении прежнего тюремного уклада не приходилось. Отныне в сибирском центре вступала в силу особая каторж-

ная «конституция», ставившая под сомнение всю пенитенциарную практику в целом [26. С. 177]. В ее основе лежали положения социалистической доктрины и октябрьского манифеста «о свободах» [27. С. 151]. Назвать подобные настроения отличительной чертой региона сложно, поскольку редкий политический арестант того времени не рассуждал в духе «если нас не освободит политическая амнистия, то это сделает революционный народ» [28. С. 73]. При этом сознание тобольскими каторжанами достоинства своей личности, «повышенное особым настроением мученичества» [29. С. 214], заставляло тобольских заключенных вести себя «несравненно требовательнее и притязательнее» по отношению к тюремщикам [30. С. 16]. Приказы администрации «политическая» каторга [31. С. 121] Тобольска рассматривала как способ ущемления прав и свобод заключенных, что нередко приводило к открытому противодействию политических каторжан и сотрудников централа. Необходимость решительной борьбы с революционными тенденциями тюремная администрация осознала не сразу. Серьезным толчком к этому послужило убийство смотрителя первой каторжной тюрьмы А.Г. Богоявленского, погибшего от рук социалистов-революционеров в июле 1907 г. [32. Л. 12]. И.С. Могилев, назначенный спустя время на должность предшественника [33. Л. 4], описывал тюремные настроения следующим образом: «Стены камер были увешаны сотнями фотографических карточек всяких революционных деятелей; арестанты не стеснялись петь, шуметь, играть в карты и шашки в нашем присутствии, икон не было – таковые уничтожались» [7. С. 115–116]. Гибель коллеги, ставшего жертвой «тюремного террора», прочно закрепились в сознании И.С. Могилева. Поэтому, несмотря на обещание водворить порядок в тобольских тюрьмах, изначально его управленческие шаги носили весьма осторожный характер. Начальником была выработана определенная стратегия, согласно которой следовало избегать конфронтации с местными каторжанами, отмалчиваться в ответ на их ругательства и демонстративно проявлять агрессию [34. С. 9].

Подобная модель поведения, по мнению представителя тюремного ведомства Н. Поликарпа, не являлась действенной. Относя заключенных к «особой категории людей с черствыми, бронированными душами, не отзывающимися ни на какие нежности, а реагирующими лишь на физическую силу», он отмечал, что они часто требуют для себя различных послаблений, которых добиваются «с изумительной настойчивостью», но, получив их, «сами же издеваются над слабостью начальства, легко идущего на уступки». Для установления в местах заключения необходимого режима, по мнению тюремщика, следовало «быть крайне осторожным», во избежание некоторого «неуместного послабления, которое не замедлит повлечь за собою полную распухлость тюрьмы» [30. С. 14–15]. Политика И.С. Могилева действительно лишь поощряла революционные тенденции внутри тюремной среды, подчинявшейся собственным законам. Однако подобная лояльность объяснялась не ошибкой смотрителя, а более «долгим» навыком управления сибирской администрации, несколько от-

личавшим ее от российского руководства. Выработав собственные методы тюремного контроля, сотрудники централа стремились несколько мягче обращаться с заключенными [35. С. 11], что на практике не всегда приводило к желаемому результату. О причинах управленческих неудач можно судить по воспоминаниям одного из тамошних арестантов: «Молодая политическая каторга – рабочая и крестьянская молодежь, испытывавшая тяжесть флотской и казарменной дисциплины и радость первых восстаний, – несла с собой новые запросы и новый уклад жизни. Еще не вполне оформленная в смысле своего политического мирозерцания, она органически отрицала и режим тюремной дисциплины, как ей казалось, временно выпавшей на ее долю, и уголовное “вольное житье”» [36. С. 228]. По мнению заключенного, именно это обуславливало борьбу революционеров, причем не только с тюремной администрацией, но и с уголовным миром, где вопросы «принципиального и идейного характера» [37. С. 36] уступали место «верноподданническим чувствам по отношению к монарху» [38. С. 49].

На фоне разложения тюремной дисциплины было принято решение об ужесточении режима, о чем И.С. Могилев поспешил предупредить обитателей централа: «Тюрьма должна подчиняться законному режиму, и таковой я во всяком случае проведу». Идея о превращении пенитенциарного учреждения в «институт благородных девиц» ничуть не прельщала политических заключенных, поэтому действия смотрителя нашли среди них соответствующий отклик [26. С. 178]. Отныне тюремной администрации приходилось все чаще сталкиваться с протестами из-за мало-значительных поводов. Арестанты возмущались обращением к каторжанам на «ты», требованием приветствовать тюремщиков словами «здравия желаю», а также действиями «подаванцев», писавших прошения с просьбой о помиловании [5. С. 28]. Волнения и обструкции при этом не являлись единственным способом борьбы со смотрителем. В надежде на смещение неугодного чиновника, политические заключенные развернули активную информационную кампанию против И.С. Могилева, которая заклеила последнего «палачом каторги» [39. С. 262]. Распространившись за пределы тюремных палей, молва о жестоком смотрителе вскоре достигла страниц отечественной прессы. Ежедневные порки розгами и плетью, тридцать суток карцера за малейшее неповиновение и «горячие» камеры, практиковавшиеся перед поркой, чтобы разгорячить кровь [5. С. 27], – унижение арестантов, согласно различным источникам, являлось неотъемлемой частью политики И.С. Могилева. Широкий общественный резонанс вызвали сведения периодической печати о посещении тобольских тюрем шведским композитором В.Н. Гартевельдом. В корреспонденции газеты «Право» сообщалось об описанных иностранцем ужасах могилевского режима и готовившейся ревизии Тобольского централа [40].

Фигура тюремщика попала в обзор не только журналистов, но и политиков. На одном из заседаний III Государственной думы депутаты подняли вопрос о современном положении заключенных в российских каторжных тюрьмах. Обсуждения велись с опорой на полученные сведения о «порядках, полных вопиюще-

го беззакония», которые, как «определенная политическая система», стабильно применялись в тюрьмах Европейской и Азиатской России. В их число вошел и Тобольский тюремный замок [41. С. 1106, 1112]. Особой критике режим смотрителя подвергся со стороны депутата Н.Л. Скалозубова: «Тяжелым кошмаром над жителями г. Тобольска тяготеет каторжная тюрьма, находящаяся в центре города... Возле стен, за которыми нещадно секут, бьют, пытаются в горячих камерах, вешают, сколько-нибудь чуткие нервами люди жить покойно не могут. Мирный, тихий когда-то город в ужасе от этого страшного соседства. Эта жестокость – худая школа для мирных людей, для учащегося юношества. К каким последствиям поведет это внешкольное обучение граждан еще неизвестно, но что яд этой атмосферы действует на людей – несомненно» [42. Л. 4, 6–6 об].

Циркулировавшие слухи о «бездушном службище» [3. С. 110] заставили местную администрацию незамедлительно нанести визит в Тобольский централ. Особого внимания удостоился знаменитый «горячий» карцер, якобы доводивший каторжан до полного изнеможения. Ревизия показала, что в действительности камера не представляла опасности для жизни и здоровья арестантов. Согласно заключению губернских властей, карцер являлся комнатой с объемом воздуха в две кубических сажени ($\approx 9,71 \text{ м}^3$), имел вытяжной вентилятор, сделанный в печи, и отверстие над дверью для притока воздуха шириной и высотой в двенадцать ($\approx 0,53 \text{ м}$) и четыре ($\approx 0,18 \text{ м}$) вершка соответственно. В помещении был устроен деревянный пол, а отопление производилось при помощи печи, обогревавшей также и соседнюю камеру. Это служило причиной того, что зимой при сильной топке температура в нем была несколько выше, чем в других камерах. Означенный карцер нарекли «горячим» вследствие архитектурной особенности, однако общественность поспешила превратить его в комнату для арестантских пыток. Конец кривотолкам решил положить начальник тюремного ведомства П.Г. Курлов, отметивший, что в тобольской тюрьме «не существовало и не существует “горячего карцера”, в котором особо провинившихся арестантов подвергают пыткам и где они “задыхаются от жары” или “мрут как мухи”, как об этом сообщала печать». Итоги проведенной проверки стали подтверждением слов чиновника: «На основании сведений, поступивших как от местного губернского начальства, так и прокурорского надзора, действия г. Могилева, как смотрителя Тобольской каторжной тюрьмы, должны быть признаны закономерными и не представляющими уклонов в сторону произвола». После ревизии централа слухи о служебной деятельности смотрителя и об отягощениях содержания арестантов принято было считать «неверными и извращенными». Ложными оказались и сообщения периодической печати о донесениях собирателя тюремного фольклора Гартевельда. По поводу своего визита в сибирский замок композитор оставил весьма положительный отзыв: «Я посетил между прочим знаменитый горячий карцер, о котором в Тобольске ходит масса самых ужасных легенд. Говорят, что в этом карцере наказанные задыхаются от

жары. Все эти слухи, конечно, сильно преувеличены, и легенда остается легендой... Тобольская каторжная тюрьма занимает в смысле более гуманного отношения начальства к заключенным первое место среди остальных каторжных тюрем». Композитор не преминул написать письмо лично И.С. Могилеву, в котором выразил свое удивление «по поводу образцовой чистоты и порядка» в Тобольском замке [42. Л. 2–3].

Итоги ревизионных проверок обрушили планы тобольских арестантов по возвращению прежнего режима в центральном, и продолжение трудовой деятельности И.С. Могилева означало для них решительное подавление революционного энтузиазма. Важно отметить, что местные антиправительственные группы, в целом, отличались от предыдущего поколения социалистов-революционеров характерным отклонением от партийных принципов. Большинство из них напрочь отрицали необходимость владения даже элементарными знаниями в теоретических вопросах социалистической среды, а философские абстракции и вовсе встречались тобольскими революционерами с неудовольствием. Большую ценность для местных эсеров представляла не способность побеждать в словесных баталиях, а боевой темперамент, направлявший на вооруженную борьбу с монархизмом [20. С. 101–102]. «Жизнь революционера, как и жизнь воина на поле сражения, ежеминутно подвергается опасности. Момент катастрофы с неумолимой неизбежностью наступает для всякого, кто раз навсегда отверг путь компромисса», – писал каторжанин Д.Д. Тахчогло, считавший, что «лучше пасть в настоящем бою, рука об руку с сознавшими себя пролетариями» [29. С. 210–211], чем мириться с тюремным режимом. Напряженные отношения политических арестантов достигли своего апогея, вылившись в бунт 8 января 1908 г. Тюремные волнения привели к жертвам, среди которых числились двое заключенных и старший надзиратель. Согласно приговору суда, треть участников бунта ожидала суровая мера наказания – смертная казнь через повешение [43. Л. 2–3, 12].

Январские события послужили толчком к принятию решения о расправе над представителем власти. Неоднократные угрозы смертью, письмо с сообщением о дате назначенной казни – шестеренки террористического механизма уже были запущены. Исполните-

лем политического убийства являлся «профессиональный революционер» [44. С. 260], административно-ссылный Н.Д. Шишмарев, чьи выстрелы в апреле 1909 г. оборвали жизнь начальника первой каторжной тюрьмы Тобольска [45. Л. 3–4, 11]. На месте преступления эсеры оставили прокламацию, где причиной убийства назвали «возмутительные истязания и издевательства» тюремщика, пригрозив «другим Могилевым» возможной расправой [46. Л. 97–98]. Во время суда Шишмарев, уверенный в «необходимости непосредственно индивидуальных революционных действий» [47. С. 85], держался «удивительно стойко и бодро». Судьбу террориста определил смертный приговор, который, вследствие самоубийства осужденного, не удалось привести в исполнение [48. С. 259]. Гибель чиновника не оставила равнодушными узников централа. Приняв с сочувствием новость о судьбе зрителя, местные уголовные арестанты обратились к священнику с просьбой отслужить в их присутствии панихиду «за упокой преждевременно погибшего» [49. С. 577].

Российский политический экстремизм, основы которого заложили члены организации «Народная воля», изначально рассматривался в качестве временной меры борьбы с самодержавно-бюрократическим строем. В народовольческой среде господствовало мнение, что для охваченных индифферентизмом народных масс отразить революционную идею в полной мере можно лишь путем применения насилия к государственным чиновникам. После достижения данной цели, по мнению народников, надлежало отказаться от террористических актов в пользу мирной деятельности. Но в начале XX столетия революционный террор не был предан забвению и нашел свое продолжение в политической программе эсеров. Получив широкое распространение как в центральных районах, так и на периферии страны, он проник в Тобольский тюремный замок, где жертвой «тюремного террора» стал зритель И.С. Могилев. Сибирский чиновник, столкнувшийся с ростом революционных настроений в тюремной среде, задался целью установить порядок путем ужесточения дисциплины в местных застенках. Однако вступив в противостояние с политическими заключенными, тюремщик был убит приверженцами партии социалистов-революционеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 624 с.
2. Кадиков Э.Р. Эсеровский террор в Сибири в начале XX века // Вестник Омского университета. Серия: «Исторические науки». 2016. № 1. С. 42–69.
3. Копылов Д.И., Прибыльский Ю.П. Тобольск. Свердловск: Ср.-Урал. книж. изд-во, 1975. 224 с.
4. Курусканова Н.П. Пенитенциарная тематика в нелегальной печати сибирских эсеров в начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 1. С. 174–182.
5. Трифонов Ю.В. Отблеск костра. Старик. М. : Известия, 1989. 336 с.
6. Науменко Е.А. Технологии лжи в субкультурах Западной Сибири // Былые годы. 2016. Т. 42, № 4. С. 1158–1163.
7. Науменко О.Н. Тобольский тюремный замок: страницы истории. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2008. 181 с.
8. Нестроев Г.А. Из дневника максималиста. Париж : Рус. кн-во, 1910. 223 с.
9. Кеннан Дж. Сибирь! СПб. : Издание М.В. Пирожкова, 1906. Т. II. 183 с.
10. Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Томск : Типофотография Сибирского тов-ва печатного дела, 1909. Вып. II. 159 с.
11. Выстрел Карповича // Сборник статей В.И. Засулич. СПб. : Издание О.Н. Рутенберг «Библиотека для всех», 1907. Т. II. С. 389–400.
12. Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания (1882–1922). Берлин : Гамаюн, 1923. Т. I. 379 с.
13. Бурцев В.Л. Правда ли, что террор делают, но о терроре не говорят? // Долой царя! Лондон : Б. и., 1901. 10 с.
14. Берман Л. Новые книги: Южнорусские рабочие союзы // Из эпохи борьбы с царизмом. Киев : Издание Киевского отделения Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. Сб. 4. С. 165–169.
15. Тыркова А.В. К событию 1 марта 1881 года // Былое. 1906. № 5. С. 141–161.

16. Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. 237 с.
17. Smith S.A. Russia in revolution. An Empire in Crisis, 1890 to 1928. Oxford : Oxford University Press, 2017. 455 p.
18. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Париж : ИМКА-Пресс, 1985. 205 с.
19. Генкин И.И. По тюрьмам и этапам. СПб. : Гос. изд-во, 1922. 487 с.
20. Гейфман А.А. Революционный террор в России, 1894–1917. М. : Крон-Пресс, 1997. 448 с.
21. Фролов Г. Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. 1924. № 1 (8). С. 114–120.
22. Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М. ; Л. : Изд-во Л.Д. Френкель, 1924. 504 с.
23. Як Л. В тюрьмах и в ссылке // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г. СПб. : Издание редакции газеты «Речь», 1912. С. 533–540.
24. Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб. : Издание В.И. Губинского, 1900. 487 с.
25. Гартевельд В.Н. Каторга и бродяги Сибири // Отечество. Краеведческий альманах. М. : Отечество, 1995. Вып. 6. С. 148–177.
26. Книга русской скорби. СПб. : Издание Русского народного союза им. Михаила Архангела, 1910. Т. VI. 199 с.
27. Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб. : Нестор-История, 2008. 540 с.
28. Парвус А.Л. По тюрьмам во время революции. Мой побег из Сибири. СПб. : Шиповник, 1908. 219 с.
29. С.А. Бунт в тобольской каторжной тюрьме (Из материалов С.С. Анисимова) // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 200–224.
30. Журчалю Я. Современная тюрьма и ее особенности. СПб. : Издание газеты «Русское знамя», 1910. 32 с.
31. Михеев А.П. Тобольская каторга. Омск : Изд-во ОмГПУ; ООО «Издательский дом Наука», 2007. 344 с.
32. Государственный архив в г. Тобольске (далее ГАТ). Ф. И152. Оп. 21. Д. 308.
33. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее ГАСПИТО). Ф. 4012. Оп. 3. Д. 39.
34. Каллистов С. Тобольский централ (1908–1910 гг.) // Тобольский централ. М. : Изд-во Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. С. 3–13.
35. Убийство Плеве и гибель Сазонова // Из эпохи борьбы с царизмом. Киев : Издание Киевского отделения Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. Сб. 3. С. 5–16.
36. Каллистов С. Из жизни тобольской каторги (Воспоминания 1908–1910 гг.) // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 225–231.
37. Зильберштейн Я. Воспоминания о Смоленской каторжной тюрьме (1909–1910 гг.) // По тюрьмам в эпоху первой революции. М. : Изд-во Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. Кн. VII. С. 29–46.
38. Дрикер Н. По ту сторону тюремной стены (Странички из прошлого и пережитого) // Из эпохи борьбы с царизмом. Киев : Издание Киевского отделения Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. Сб. 3. С. 39–52.
39. Каллистов С. За товарищей (Памяти Н. Шишмарева) // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 262–263.
40. Хроника // Право. 1909. 26 апр.
41. Государственная дума. Стенографические отчеты 1909 г. Третий созыв. Сессия вторая. Заседания 101–126 (с 27 апреля по 2 июня 1909 г.). СПб. : Гос. типография, 1909. Ч. IV. 3477 с.
42. ГАТ. Ф. И151. Оп. 1. Д. 15.
43. ГАТ. Ф. И152. Оп. 22. Д. 348.
44. Исакович М. Еще о Н.Д. Шишмареве // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 259–262.
45. ГАТ. Ф. И152. Оп. 23. Д. 193.
46. ГАСПИТО. Ф. 4058. Оп. 1. Д. 17.
47. Торопченков Н. Светлой памяти Николая Дмитриевича Шишмарева // Из эпохи борьбы с царизмом. Киев : Издание Киевского отделения Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. Сб. 3. С. 85–86.
48. Витязев П. Памяти Н.Д. Шишмарева (Из воспоминаний) // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 249–259.
49. Б. фон-Гофланд. И.С. Могилев. (Некролог) // Тюремный вестник. 1909. № 5. С. 576–577.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 февраля 2018 г.

REVOLUTIONARY TERRORISM IN RUSSIA IN THE EARLY 20TH CENTURY: THE MURDER OF THE SIBERIAN WARDER I.S. MOGILEV

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 144–149.

DOI: 10.17223/15617793/432/19

Viktoriya O. Pyrkh, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: vika.inkognito.97@mail.ru

Keywords: I.S. Mogilev; Siberia; Tobolsk; revolution; “prison terror”; “political” katorga.

The aim of the article is to study the political murder of I.S. Mogilev, a Tobolsk central prison warder. Using a microhistorical approach, the author considers the terrorist act in the context of Russian revolutionary extremism, which had been widely spread in the first decade of the 20th century. The historical sources involved in the research (periodicals, sources of personal origin, documents of governmental agencies, archive materials and works of historians and publicists) allow to provide an overall pattern of revolutionary terrorism sprouting in pre-revolutionary Russia thanks to the apologists of the doctrine of the People’s Will. Founders of political terror viewed it as a temporary and transitional stage in struggle against Tsarism, after which a turn followed to a more humane form of liberation movement activities in case of a change in governmental policy. But, according to the author, socialist-revolutionaries, who were confident in the necessity to give terror a permanent character, had a completely different view on the way of transforming Russian reality. Thanks to the active propaganda of the Socialist Revolutionary Party members, the beginning of the 20th century was marked for the empire with the growth of anti-government unrest, directed against officials of every government body, including the penitentiary agency. The author believes that during the events of 1905–1907, Russian prisons became a hotbed of revolutionary sentiments, and officials of the penitentiary system became one of the main symbols of hostile monarchy that required struggling in a violent way. Siberian outskirts did not avoid the tendency of “prison terror”, which characterized violence against jailers in historiography. Mogilev, a warder of Tobolsk central prison, who followed the letter of the law steadily and at the same time maneuvered between a loyal policy and a tightening of discipline, was not accepted by the convicts, half of whom served to the Socialist Revolutionary Party ideas. The reason for it was the character of the penal system, part of the arsenal of punitive forces of Tsarism, with whom the anti-government movement struggled. The author concludes that the unwillingness of the prisoners to tolerate the suppression of their revolutionary enthusiasm and their fighting spirit expressed in obstructions, riots and different stratagems, which stigmatized the warder as a cynical bigot, was the reason for the official’s tragic death. Becoming victim of “prison terror”, Mogilev swelled the numerous ranks of the adherents of the monarchy regime who were killed by revolutionary terrorism.

REFERENCES

1. Morozov, K.N. (1998) *Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1907–1914 gg.* [Party of Socialist-Revolutionaries in 1907–1914]. Moscow: ROSSPEN.

2. Kadikov, E.R. (2016) Terror of the Socialist-Revolutionaries in Siberia at the beginning of the XX century. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: "Istoricheskie nauki"* – Bulletin of Omsk University. Historical Sciences. 1. pp. 42–69. (In Russian).
3. Kopylov, D.I. & Pribyl'skiy, Yu.P. (1975) *Tobol'sk* [Tobolsk]. Sverdlovsk: Sr.-Ural. knizh. izd-vo.
4. Kuruskanova, N.P. (2012) Penitentiary themes in the illegal press of Siberian socialist-revolutionaries at the beginning of the XXth c. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie"* – Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political science. Religious Studies". 1. pp. 174–182.
5. Trifonov, Yu.V. (1989) *Otblek kostra*. *Starik* [Reflection of the fire. Old man]. Moscow: Izvestiya.
6. Naumenko, E.A. (2016) The Technologies of Lie in Local Cultures of Western Siberia. *Bylye gody*. 42(4). pp. 1158–1163. (In Russian).
7. Naumenko, O.N. (2008) *Tobol'skiy tyuremnyy zamok: stranitsy istorii* [Tobolsk prison castle: pages of history]. Tyumen: Tyumen State University.
8. Nestroev, G.A. (1910) *Iz dnevnika maksimalista* [From the diary of the maximalist]. Paris: Rus. kn-vo.
9. Kennan, J. (1906) *Sibir'!* [Siberia!]. Vol. 2. St. Petersburg: Izdanie M.V. Pirozhkova.
10. Malinovskiy, I.A. (1909) *Krovavaya mest' i smertnye kazni* [Bloody revenge and the death penalty]. Is. 2. Tomsk: Tipolitografiya Sibirskogo tova-va pechatnogo dela.
11. Biblioteka dlya vsekh (1907) *Vystrel Karpovicha* [Karpovich's Shot]. In: *Sbornik statey V.I. Zasulich* [Collection of Articles by V.I. Zasulich]. Vol. 2. St. Petersburg: Izdanie O.N. Rutenberg "Biblioteka dlya vsekh".
12. Burtsev, V.L. (1923) *Bor'ba za svobodnuyu Rossiyu. Moi vospominaniya (1882–1922)* [The struggle for free Russia. My memories (1882–1922)]. Vol. 1. Berlin: Gamayun.
13. Burtsev, V.L. (1901) Pravda li, chto terror delayut, no o terrore ne govoryat? [Is it true that terror is done, but they do not talk about terror?]. In: *Doloy tsarya!* [Down with the tsar!]. London: [s.n.].
14. Berman, L. (1925) *Novye knigi: Yuzhnorusskie rabochie soyuzy* [New books: South Russian labor unions]. In: Berman, L.L., Lagunov, B.I. & Koff, G.M. (eds) *Iz epokhi bor'by s tsarizmom* [From the era of the struggle against tsarism]. Is. 4. Kiev: Izdanie Kievskogo otdeleniya Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
15. Tyrkova, A.V. (1906) *K sobytiyu 1 marta 1881 goda* [To the event on March 1, 1881]. *Byloe*. 5. pp. 141–161.
16. Zenzinov, V.M. (1953) *Perezhitoe* [The Experienced]. New York: Izd-vo im. Chekhova.
17. Smith, S.A. (2017) *Russia in revolution. An Empire in Crisis, 1890 to 1928*. Oxford: Oxford University Press.
18. Gerasimov, A.V. (1985) *Na lezvi s terroristami* [On the blade with the terrorists]. Paris: IMKA-Press.
19. Genkin, I.I. (1922) *Po tyur'mam i etapam* [In prisons and traveling under guard]. St. Petersburg: Gos. izd-vo.
20. Geyfman, A.A. (1997) *Revolutsionnyy terror v Rossii, 1894–1917* [Revolutionary terror in Russia, 1894–1917]. Moscow: Kron-Press.
21. Frolov, G. (1924) *Terroristicheskiy akt nad samarskim gubernatorom* [Terrorist act over the Samara governor]. *Katorga i ssylka*. 1 (8). pp. 114–120.
22. Bogdanovich, A.V. (1924) *Tri poslednikh samodержtza. Dnevnik A.V. Bogdanovich* [The last three autocrats. Diary of A.V. Bogdanovich]. Moscow; Leningrad: Izd-vo L.D. Frenkel'.
23. Yak, L. (1912) *V tyur'makh i v ssylke* [In prisons and in exile]. In: *Ezhegodnik gazety "Rech" na 1912 g.* [Yearbook of the newspaper "Rech" in 1912]. St. Petersburg: Izdanie redaktsii gazety "Rech". pp. 533–540.
24. Maksimov, S.V. (1900) *Sibir' i katorga* [Siberia and penal servitude]. St. Petersburg: Izdanie V.I. Gubinskogo.
25. Gartevel'd, V.N. (1995) *Katorga i brodyagi Sibiri* [Katorga and vagrants of Siberia]. *Otechestvo. Kraevedcheskiy al'manakh*. 6. pp. 148–177.
26. Purishkevich, V.M. (ed.) (1910) *Kniga russkoy skorbi* [The Book of Russian Sorrow]. Vol. 6. St. Petersburg: Izdanie Russkogo narodnogo soyuza im. Mikhaila Arkhangela.
27. Lopukhin, V.B. (2008) *Zapiski byvshego direktora departamenta Ministerstva inostrannykh del* [Notes of the former director of the department of the Ministry of Foreign Affairs]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
28. Parvus, A.L. (1908) *Po tyur'mam vo vremya revolyutsii. Moy pobeg iz Sibiri* [In prisons during the revolution. My escape from Siberia]. St. Petersburg: Shipovnik.
29. S.A. (1923) *Bunt v tobol'skoy katorzhnoy tyur'me* (Iz materialov S.S. Anisimova) [Riot in the Tobolsk katorga prison (From the materials of S.S. Anisimov)]. *Katorga i ssylka*. 6. pp. 200–224.
30. Zhurchalo, Ya. (1910) *Sovremennaya tyur'ma i ee osobennosti* [Modern prison and its features]. St. Petersburg: Izdanie gazety "Russkoe znamya".
31. Mikheev, A.P. (2007) *Tobol'skaya katorga* [Tobolsk penal servitude]. Omsk: Omsk State Pedagogical University; OOO "Izdatel'skiy dom Nauka".
32. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I152. List 21. File 308. (In Russian).
33. State Archive of Social and Political History of Tyumen Oblast (GASPI TO). Fund 4012. List 3. File 39. (In Russian).
34. Kallistov, S. (1925) *Tobol'skiy tsestral* [Tobolsk Prison]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshch-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev. pp. 3–13.
35. Berman, L.L., Lagunov, B.I. & Koff, G.M. (eds) (1925) *Ubiystvo Plehe i gibel' Sazonova* [The murder of Plehwe and the death of Sazonov]. In: Berman, L.L., Lagunov, B.I. & Koff, G.M. (eds) *Iz epokhi bor'by s tsarizmom* [From the era of the struggle against tsarism]. Is. 3. Kiev: Izdanie Kievskogo otdeleniya Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
36. Kallistov, S. (1923) *Iz zhizni tobol'skoy katorgi* (Vospominaniya 1908–1910 gg.) [From the life of the Tobolsk penal servitude (Memories of 1908–1910)]. *Katorga i ssylka*. 6. pp. 225–231.
37. Zil'bershteyn, Ya. (1925) *Vospominaniya o Smolenskoy katorzhnoy tyur'me* (1909–1910 gg.) [Memoirs about the Smolensk katorga prison (1909–1910)]. In: Shumyatskiy, Ya. (ed.) *Po tyur'mam v epokhu pervoy revolyutsii* [In prisons in the era of the first revolution]. Book 7. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshch-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
38. Driker, N. (1925) *Po tu storonu tyuremnoy steny* (Stranichki iz proshlogo i perezhitogo) [On the other side of the prison wall (pages from the past and the experienced)]. In: Berman, L.L., Lagunov, B.I. & Koff, G.M. (eds) *Iz epokhi bor'by s tsarizmom* [From the era of the struggle against tsarism]. Is. 3. Kiev: Izdanie Kievskogo otdeleniya Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
39. Kallistov, S. (1923) *Za tovarishchey* (Pamyati N. Shishmareva) [For comrades (In memory of N. Shishmarev)]. *Katorga i ssylka*. 6. pp. 262–263.
40. Pravo. (1909) *Khronika* [Chronicle]. *Pravo*. 26 April.
41. Gos. Tipografiya. (1909) *Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskie otchety 1909 g. Tretiy sozyv. Sessiya vtoraya. Zasedaniya 101–126 (s 27 aprelya po 2 iyunya 1909 g.)* [The State Duma. Verbatim records 1909. Third convocation. Session two. Meetings 101–126 (from 27 April to 2 June 1909)]. Pt. 4. St. Petersburg: Gos. tipografiya.
42. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I151. List 1. File 15. (In Russian).
43. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I152. List 22. File 348. (In Russian).
44. Isakovich, M. (1923) *Eshche o N.D. Shishmareve* [Once again about N.D. Shishmarev]. *Katorga i ssylka*. 6. pp. 259–262.
45. State Archive in Tobolsk (GAT). Fund I152. List 23. File 193. (In Russian).
46. State Archive of Social and Political History of Tyumen Oblast (GASPI TO). Fund 4058. List 1. File 17. (In Russian).
47. Toropchenov, N. (1925) *Svetloy pamyati Nikolaya Dmitrievicha Shishmareva* [In memory of Nikolai Dmitrievich Shishmarev]. In: Berman, L.L., Lagunov, B.I. & Koff, G.M. (eds) *Iz epokhi bor'by s tsarizmom* [From the era of the struggle against tsarism]. Is. 3. Kiev: Izdanie Kievskogo otdeleniya Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
48. Vityazev, P. (1923) *Pamyati N.D. Shishmareva* (Iz vospominaniy) [In memory of N.D. Shishmarev (From memories)]. *Katorga i ssylka*. 6. pp. 249–259.
49. Gofland, W. von. (1909) *I.S. Mogilev. (Nekrolog) [I.S. Mogilev. (Obituary)]. Tyuremnyy vestnik*. 5. pp. 576–577.

Received: 10 February 2018